

ЗА ГРАНЬЮ

16+

КОГДА
ОСОЗНАНИЕ
МАКСИМАЛЬНО
АБСТРАГИРУЕТСЯ

ЧАСТЬ I

ТАНЯ СТАР

Кома

Таня Стар

За гранью. Кома. Часть 1

«Автор»

2016

Стар Т.

За гранью. Кома. Часть 1 / Т. Стар — «Автор», 2016 — (Кома)

ISBN 978-5-532-06655-7

Любите мистику? Скучаете по эротике? Хотите узнать, что Там, - за гранью? Смерть, - она всегда бродит рядом. Как вернуться в мир живых, чтобы исправить ошибки прошлого? Роман о любви и изменах. Скорее открывайте книгу и читайте, вас ждут невероятно грустные и весёлые жизненные ситуации, в которые впутались герои романа.

ISBN 978-5-532-06655-7

© Стар Т., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава I	6
За гранью	6
Глава II	16
Рай и Ад	16
Глава III	22
Одиночество	22
Глава IV	30
Птицы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Таня Стар

За гранью. Кома. Часть 1

«Человек. Вначале он жертвует здоровьем для того, чтобы заработать деньги. Потом он тратит деньги на восстановление здоровья. При этом он настолько беспокоится о будущем, что никогда не наслаждается настоящим. В результате он не живёт ни в настоящем, ни в будущем. Он живёт так, как будто никогда не умрёт, а умирая, сожалеет о том, что не жил...»

Далай-лама

Глава I

За гранью

Кромешная тьма скрыла очертания действительности. Я повела глазами, но беспросветная пелена не спадала.

– Кто я? Где я? Что со мной?

Мысли блуждали по глади рассудка. Они, словно бумажные кораблики, затерялись в бескрайнем океане. Меня охватило умиротворение. Ничто не волновало душу. Она стремилась к освобождению и тонула в океане сансары.

– Откуда мне знать о сансаре?

Когда-то я изучала индийскую философию. Именно в ней есть понятие о сансаре, – чередование рождения и смерти в мирах.

Карма! Наказание за грехи.

Душа моя будет бесконечно скитаться по мирам, и я не обрету покой из-за кармических долгов, пока карма не отпустит.

Колесо сансары запущено и, как его остановить, я не знаю.

Моя невидимая душа пребывала в нирване. Она не перерождалась. Это значило, что я умерла.

Главное, что меня больше не волновали земные проблемы, боль, страдания. Сознание ясное и спокойное. Видит меня кто-нибудь или нет, я не определила.

Шанс на спасение есть всегда.

Отрешившись от житейских забот, на меня снизошел блаженный покой.

Время не бежало, не стояло. Сколько его было у меня, – загадка.

Однако, непоседливый характер, проявил нетерпимость.

От тягостной тишины в сознании забрезжили крупинцы воспоминаний. Вопросы пробивались к свету, словно хрупкие ростки из растрескавшейся от засухи земли.

– Как меня зовут? – безмолвие поглотило кроткую мысль.

Время словно заledenело. Ожидая ответа, я прекратила дышать или еще чего-то там. Окружённая пустотой я осознала, что надо рассчитывать только на себя.

Я сильная, разберусь с навалившейся тишиной. Однако мучить себя вопросами не перестала:

– Эм-м... – я напряглась. – Раиса?

Вдруг, внутренний голос ответил:

– Да... Раиса.

Не так ли люди сходят с ума?

Я создала несложный диалог. Включилось подсознание:

– Сколько мне лет? За тридцать?

– Да, – услышала я чёткий ответ.

– Тридцать – много это или мало?

Ответ не заставил ждать:

– Трудно сказать.

Я прислушалась к внутреннему голосу:

– Это я сейчас себе ответила? Или...

Меня, как и прежде, окружала темнота. Рядом никого не было.

Суждения настойчиво прокладывали путь, словно родник пробивались сквозь песок, обещая превратить воспоминания в реку жизни.

Ответы на мои вопросы пробежались по извилинам:

– Для подростков, – старуха. Для родителей, – всегда ребёнок. Для коллег, – ответственная сотрудница. Для друзей, – весёлая подруга. Для мужчин, причём всех возрастов, – обаятельная леди. Для семьи, – любимая жена и мамочка. Для себя, – женщина, встретившая любовь, преуспевшая в карьере и, казалось, идеальная. Что ещё желать от жизни?

– Стоп! Трудно уследить за ходом мыслей. Я пропущу важные моменты из моей жизни и запутаюсь в трех соснах. Хм ...это я о себе рассуждала или образно о тридцатилетних женщинах? Похоже, о себе.

Я хотела привстать, но ни черта не вышло. Тело не подчинялось разуму. Руки, словно колоды не гнулись. Желание поднять голову, превысило физические возможности тела. В глазах набухли слезы. Теплые, они просочились сквозь губы. На языке я ощутила солоноватый вкус.

Сглотнув, я испытала боль, словно от острой ангины.

Крикнув: «А-а-а!», я поняла, что звук запутался в связках и канул в бездну тишины. Шершавый язык разросся, словно кактус. Я хотела произнести слово, но ватный орган не повиновался. Ком, с теннисный мяч, мешал, я задыхалась.

Похоже, что мне снился дурной сон. Другого объяснения не было. Тьма не проходила. Я потянула веки вверх, чтобы определить, где я. Но, будто сшитые мёртвым швом, они не разлипались. Радужки метались в поиске щели, чтобы разглядеть обитель. Зацепиться взглядом хотя бы за один знакомый предмет.

Седьмое чувство, о том, где приземлилось тело, молчало.

Смущала некоторая странность. Я не слышала ни звука. Только сердце стучало, будто кувалда по наковальне, пробуждая новые суждения, которые сбились в неуправляемый табун.

Как ни старалась я ухватить нить моей истории жизни, мысль унеслась, словно необъезженный мустанг.

Навалившаяся усталость скомкала предыдущие размышления. Вспомнить прожитую жизнь не удалось.

Угодив во тьму, я блуждала по ней до следующего пришествия сознания.

Не знаю, как долго я лежала, будто овощ на грядке без единого проблеска ясной мысли. Не хватало сил повторить собственное имя. Смертельная тишина пугала. Я ждала чуда, и оно произошло.

Белая точка разрослась в рваное пятно. Вскоре, я различила очертания парящего в воздухе создания, и восхитилась его неземной формой.

Светящийся нимб над белоснежной курчавой шевелюрой заморозил взгляд. Игривое ажурное оперение искрилось, а добрая улыбка на лице гостя, склонившегося надо мной, предвещала спасение.

Слава богу! произошли хоть какие-то перемены. Иначе, я скончалась бы от тоски.

Вердикт, что мою крышу окончательно снесло, был очевиден. Однако я рада иметь любого напарника. Это лучше, чем ни-че-го.

– Ангел? Да. Я узнала старого друга.

Чтобы распознать его, не нужны знания, для этого есть интуиция. Он навещал меня и раньше, но я не придавала значения появлению его в моей жизни.

Протянув руку к кудрям, я задумала ухватить облачные пряди. Пальцы тонули, будто в тумане, они не чувствовали тверди физического тела, блуждали по лику в надежде дотронуться до неземного создания. Наконец, уставшие руки от изнеможения камнем рухнули вниз. Я снова провалилась в небытие, не ухватив птицу счастья.

– Черт! Черт! – прокричала я при пробуждении, но, как и прежде голос увяз в груди. – Как долго длится забвение?!

Ответа не было.

Словно в каменном мешке, я не могла шевелиться, но здравые мысли не покинули голову, что, несомненно, радовало.

Мой спаситель, так казалось, был снова рядом.

– Он здесь! – пронеслась в надтреснутой черепушке радость.

От лёгкого прикосновения небесного создания к моим волосам, я вернулась в действительность.

– Слава Богу! Он не оставил меня справляться с проблемами одной, – молилась я.

От нежных касаний ангела, я плакала. Когда он гладил лицо, в моей душе порхали бабочки всевозможных сказочных форм и расцветок, из груди рвались яркие сгустки похожие на звёзды. Взмывая ввысь, они превращались в звездную пыль.

Сканируя тело пронзительным взглядом механика, он старательно чинил сломанный механизм. Осматривал органы, словно хирург, сшивал и латал раны, но вместо боли я видела звездную пыль.

– Привет! – крикнула я громче. Но зов был напрасным, он не слышал или не слушал меня.

Ангел витал рядом, напевая голосом Уитни Хьюстон.

После слов «Love you!..», я снова погрузилась во тьму.

Когда я очнулась, ангела не было, он оставил меня.

Внезапно меня охватило яркое чувство свободы.

Вечно обременённая работой и занятая семейными проблемами, я вдруг овладела временем и пустилась в путешествие по волнам жизни.

Тревога нарастала, когда воспоминания приближались к последним дням моего осознанного существования.

Я решила не спеша порыться в добром детстве. Ведь все проблемы тянутся из прошлого.

Возможно приобретенная свобода, лишь вынужденная мера во спасение.

– Так на чем я остановилась?

Ощувив прилив сил, я немедленно ринулась на баррикады воспоминаний.

– Начну сначала. Кто я? – память не подвела, я еще помнила собственное имя.

– Раиса!

Теперь я знала точно.

Множественные попытки восстановить датировано биографию превратила подробности моей жизни в кашу из мемуаров.

Мысли копошились, словно навозные черви в грязи. Я тихо сходила с ума, пытаюсь хоть как-то упорядочить цепь событий.

С чего начались неприятности? Озарение не заставило ждать.

День начала страданий явился ярким воспоминанием.

С утра он не отличался от других дней, которые закономерно повторялись.

Монотонный звонок будильника предупредил о наступлении нового дня. Далее утренний «моушн», оживление организма кружкой горячего кофе с бутербродом из абрикосового джема на ароматном тосте.

Уложив волосы в причёску с помощью фиксирующих средств и фена, я искала в шкафу одежду соответствующую настроению. Неоднократное переодевание отнимало драгоценное время, что раздражало.

Выверенные и отработанные до автоматизма жесты, словно я робот, сэкономили время для приведения внешности в готовность номер один.

Легкий поцелуй мужа в щеку не был исключением. На сентиментальность банально не хватало времени.

А зря!

...Сердце сжалось от жестокой реальности. Внезапно я поняла, что любовь к мужу затерялась в жизненном хаосе и испарилась.

Когда зародилось отчуждение между нами, я не вспомнила. Выуживая правду, я путано блуждала по истории любви.

Понимая, что настоящее изменить невозможно, я похолодела, задохнулась от безысходности и мысли, – какой я оказалась дрянью. Ещё мгновение и я умерла бы от стыда из-за скверных поступков по отношению к нашей любви.

За дверью дома ждала дорога с пробками, работа с авралами, накопившаяся усталость к концу дня, солидная зарплата в следующем месяце, которую некогда тратить из-за нехватки времени.

Ритм жизни меня не огорчал, наоборот, – устраивал. Единственное чего не хватало в круговороте жизни, – детского крика и беготни, шумных игр, потому что дочек, Катюшу и Дашеньку, я часто оставляла на попечение мужа и матери. При возможности отправляла малюток к бабушке на дачу.

Сюрприз поджидал за дверью и нанёс сокрушительный удар по самолюбию и по привычной жизни, ровно разбойник.

После напряжённой работы, я пришла домой поздно. На пороге дома меня встретила картина «Неждали».

Вусмерть пьяный Адам ошеломил потрёпанным видом, сразил наповал мрачным настроением. Последний раз, несоизмеримое с жизнью опьянение, я наблюдала в студенчестве.

Пока я решала выразить презрение к алкогольному бунту, он несуразно высказался в мой адрес и, не дожидаясь реакции, ретировался, оставив шлейф недосказанности.

Я оцепенела, язык намертво прилип к нёбу. Глаза рыскали по мебели в поиске оправдания поступка. В недоумении я простояла пару минут.

Муж вынес судьбоносное решение, перевернувшее мою жизнь, без моего участия.

С этого проклятого дня жизнь разделилась – «до...» и «после...», и летела в тартарары.

С трудом восстанавливая пробелы в памяти, я, то уносилась в детство, то ясно помнила семейную жизнь, но последние минуты жизни истерлись из памяти, казалось навсегда. Ералаш из воспоминаний прошлого и настоящего не давал полного представления о моей прожитой и настоящей жизни.

Мучительно копаясь в истории, я не могла восстановить цепочку событий ввергших меня в коматозное состояние. Похоже, диагноз установлен правильно. Иначе, я не могла объяснить состояние не стояния.

С трудом составляя пазл раздробленной картины, я внезапно оставила бречное тело и зависла над ним.

О чудо! Я умею левитировать.

Пристально взглянув, я оценила себя со стороны.

О, да! Природа наделила меня весьма симпатичной внешностью. Светлые от природы волосы, голубые глаза, тонкие губы с красивым изгибом, вздёрнутый нос и неплохая фигура. Эти достоинства принадлежали телесной оболочке находившейся, до недавнего времени, в гармонии с внутренним миром.

Эфирное тело вернулось в неподвижное бревно. Раздражение нарастало, от того, что я не могла встать и начать новый день, зато всплыли фееричные воспоминания.

Игла виниловой пластинки перескочила на пару десятилетий назад.

За секунды вернулись мгновения счастливого детства. С высоты прожитых лет можно оценить личностную трагедию. Почему бы не поразмышлять, раз времени у меня воз и маленькая тележка.

С раннего детства, отправленная родителями в школу спортивного резерва по плаванию, я выполняла поставленные тренером задачи. Физические нагрузки формировали твёрдый характер. Преодоление трудностей стало привычкой. Взятый барьер, однажды, вселил уверенность в победе, и даже редкие фиаско теперь не мешали шагать к цели.

Из-за неуёмного стремления к творчеству реализовались детские увлекательные идеи. Родителей удивлял и восхищал непоколебимый дух ребёнка и желание постичь неизведанные области бытия. Целеустремлённость стала главной для девочки.

Я сохранила любовь к танцам, шитью и вязанию. Каталась на коньках и лыжах, с удовольствием посещала спортивные кружки и пела в хоре.

Чтобы стать уверенной леди, я прошла трудный путь становления характера, и давно избавилась от детских комплексов.

Посетив в компании с подругой кружок танцев, я приступила к занятиям. Несколько лет отрабатывала позиции у станка, изучала танцевальный шаг, укрепляла мышцы и развивала гибкость. Поначалу движения были неуклюжи и смешны, никак не согласовывались с музыкой.

Помню первую быструю польку в паре с мальчиком.

Прозвучало вступление. Дениса не было. Партнёр, пока спорил с другом, опоздал. Группа пустились в пляс, а я, нервничая, ждала в стороне. Вскоре напарник явился и, почесав затылок, внедрился в круг танцующих детей, сильно потянув меня за руку. Сцепив накрест руки, мы с трудом поймали ритм.

...У меня от злости загорелось лицо. Кажется, я покраснела, словно это было вчера.

Выполняя «ковырялочку» с притопом, мы, нарушая ритм, отстали.

Стройная колонна бежала, выбрасывала ноги вперёд.

Окончательно сбившись, Денис споткнулся, а мальчишка позади, двинул его ногой по мягкому месту. Полетев на пол, горе-танцор утянул и меня.

Шеренга из несущихся по кругу пар, свалилась в кучу.

Оказавшись под грудой тел, я не могла пошевелить и пальцем, прямо, как сейчас.

Потирая шишки, мы, покатываясь со смеху, валялись, не думая о боли.

Вот оно безмятежное детство, в нем все просто.

За наше трудолюбие жизнь наградила выносливостью.

Спустя год, мы без сучка и задоринки станцевали грациозную лезгинку, эмоциональный гопак, ритмичную шотландскую польку, хороводили французский бурре.

Овладев чувством локтя, я была и ведомой, и ведущей, что научило гибкости в отношениях с людьми.

...Счастливые минуты взволновали, и я ощутила мощный прилив энергии, казалось, что я легко встану и поспешу к детям. Однако, прикованная неведомой силой, я лежала, ровно труп.

Словно в красочном сне, я безмятежно наблюдала картину прожитой жизни и упорядочивала мысли.

Гуляя по детству, я наткнулась на курьёзный случай на катке.

Городской каток, куда мы с подругой бегали кататься зимой, я обожала. На стадионе звучала попса, что отличало его от кружка по танцам, где преобладала классическая музыка.

Весь сезон я трудилась над прыжками, вращениями и дорожкой. Скользя по гладкому льду, я представляла себя Ириной Родниной.

Стремление к совершенству, помогло во взрослой жизни пониматься по ступеням карьеры.

Хвастаясь, перед подругой, отточенной змейкой, я на скорости въехала в столб хоккейных ворот.

Из глаз посыпались звёзды, меня отбросило на край ледового поля и, не устояв на полозьях, я приземлилась в сугроб.

Лицо и одежда упечатались в снег, и колкий лед впился осколками, словно пиявки, в открытые части тела. Хотелось плакать, но я истерично смеялась от неловкости.

Подруга дразнилась, предлагая для полноты картины, сунуть в мой рот морковку, надеть на голову ведро, взять в руки метлу и поставить под ёлку в качестве снеговика.

...Внутренний смех сдавил горло, и хохот застрял в неуправляемом теле. Смутило, то ощущение неловкости, когда хвастовство обернулось провалом.

Вот так всегда! Хочешь удивить, а получается насмешить.

Зимние развлечения приносили разнообразия в студёные дни.

Особенно радовали ледяные горки. По отшлифованной задницами дорожке, несешься с ускорением, врезаясь в ребят, не сошедших с трассы. И хохочешь, глядя, как подкошенные дети наваливаются на тебя. Куча мала...

После игр в снежки, разругавшись словно помидор, я возвращалась домой в заснеженной одежде. Мама сушила вещи на батарее, а таявшие сосульки, капали на пол, превращаясь в лужицу.

...Мило! Радость растормошила давние чувства. Руки потянулись к мнимому снежку в желании поучаствовать в боях. Захотелось, спрятавшись за снежной крепостью, сделать точный бросок по врагу.

Желание осталось желанием, но я поверила, что еще слеплю снеговика детям, и прокачусь с ветерком на санях, запряжённых тройкой вороных.

На уроках труда я ощущала себя Марьей Искусницей.

Сшив ночную сорочку, я подарила ее бабушке, потому что даже мама в ней утонула. Следующей была юбка для годовалой сестрички, но и её надели на куклу. Неудачи в шитье не сломали.

Спустя годы я окончила курсы кройки и шитья и научилась моделировать одежду. Навык выручил в годы экономического кризиса, когда ничего нельзя было купить в магазинах.

И когда я только успевала заниматься творчеством?

Детство представилось нескончаемым днем.

Вспомнился подростковый возраст, когда комплексы из-за внешности развивались соразмерно непропорциональности фигуры.

Просматривая фильм с участием обожаемой кинозвезды, или слушая популярную музыку, я фанатела от кумиров и всячески подражала им.

Разглядывая в зеркало отроческое несовершенство, я замечала в нескладной фигуре гадкого утенка. Перспектива остаться неуклюжей, – пугала. Неумение плавно двигаться, красиво высказываться, со вкусом одеваться, знакомиться с мальчишками, возрастили застенчивость и стыдливость.

Неуклюжесть от слова жесьть, да и только!

Чудно! На самом деле, я боялась, что не успею испытать настоящую любовь в реальной жизни и умру, не дождавшись прекрасного принца.

Жажда вкусить запретный плод, а мечтала я о поцелуях, торопила найти субъект обожания. Из-за отсутствия одного, я влюблялась в очередного телевизионного красавца и тайно грезила о встрече с ним.

Слушая географичку, я рисовала в мечтах романтическую прогулку по Парижу и туманному Лондону, путешествие на воздушном шаре, и все то, о чем вещала учительница. Я представляла себя в паре наездниками, скачущими на лошадях по алой цирковой арене; аквалангистами, погружающимися на дно Красного моря, чтобы наблюдать за его колоритными обитателями.

Всегда волновалась, что мечты останутся мечтами.

Робость и неуверенность в привлекательности стали неодолимым препятствием, чтобы воплотить потаённые желания в жизнь.

Юношеский организм не выдержал реалий подростковой жизни и испытаний высокими чувствами.

Неразделённая любовь у сверстниц прошла словно насморк. Моя же врезалась в память, породив комплекс платонической любви, с которым я долго боролась и наверняка победила.

Доверчивая я была уязвима для обмана, природная скромность мешала выставлять напоказ реальные желания. Эти сомнительные достоинства портили девичью жизнь, вносили хаос во внутренний мир.

Спорт сделал меня физически сильной и целеустремлённой. Позже я избавилась от излишней скромности, победив сомнительные достоинства.

По-доброму завидуя пригожим сверстницам, я считала их баловнями судьбы.

Люди обожествляли совершенную красоту. Обладатели привлекательной внешности быстрее добиваются признания. Перед идеальным ликом распахнуты двери во всех направлениях. Однако не всякая красавица способна оценить преимущества ее внешности. Привыкнув с детства к всеобщей любви, она считает, что так и должно быть.

Кто не мечтал о красивом теле? И я мечтала.

Жизнь корректировала отношение к внешней красоте, предлагала без усталости работать над внутренним миром.

Не обладая привилегиями красавиц, я не капризничала. Доброжелательность стала моей визиткой в жестокий мир. Я многого добилась, благодаря одобрению моих знаний людьми. Возможно, из-за врождённой интеллигентности, мне в голову не приходила мысль уподобляться баловням судьбы. Топая ногами, требовать исполнения любых моих прихотей.

Мечты я осуществляла сама.

Гибкость в общении сделала меня коммуникабельной. Незаменимые качества я шлифовала годами. К тридцати, я точно знала, что идти напролом, – значит проиграть. Побеждать можно, не уронив достоинства.

...Решительно остановив поток обсуждения моих достоинств и недостатков, я возмутилась:

– Хватит!

Пару минут я ни о чем не думала.

– Хм... без мыслей ещё хуже. Не могу смириться с тишиной, хоть бы ангел, что ли, пришёл и успокоил.

Долгий сон измучил тело. Черт знает, где я нахожусь, только и могу что рассуждать. Надо вспомнить последние дни жизни, но мозгу не прикажешь. Он словно решил показать сериал под названием «Ошибки прошлого», где в главной роли – я.

– Где я? Выяснив, кто я, надо разобраться, что случилось? Что от меня требуется? Раскаяние? Для чего сюда поместили?

Память избирательно выбирала. На ум приходили детские страдания из-за внешности. До крика стало обидно за детскую неуверенность в собственной красоте. Жаль, что прозрение приходит поздно. Может беды тянуться из прошлого?

Моя внешность шагала в ногу со временем. Я менялась, то в худшую сторону, то в лучшую, и каждый раз это зависело от возраста.

Особенно трудно было после родов. Для придания телу эстетичных форм, я прикладывала немалые усилия. Подстёгиваемая рекламой, я с помощью косметики скрывала признаки увядания, не давая прожитым годам проявиться на лице.

Усердия не прошли даром, и в тридцать с небольшим, я выглядела гораздо моложе, чем сверстницы.

Чтобы совершенствовать образ, я пользовалась рекомендациями стилистов. Но время неумолимо летело, сердечные переживания оставили след на лице, изменив глубину взгляда, а приобретённый жизненный опыт отпечатался несмываемыми метками на ещё привлекательном лице.

Путь к совершенству был тернист.

Но так ли важно то, к чему я стремилась всю жизнь?

Образованность не ограничилась окончанием вуза, она приумножилась благодаря пылливому уму и мудрости.

Жизнь я ассоциировала с белым конём, и как ловкий наездник легко преодолевала барьеры, не задумываясь о высоте.

И вот!

Выставленная планка оказалась завышенной. Кажется, что я грохнулась на скаку, раз лежу здесь и сейчас.

Жизнь разбилась на частички воспоминаний.

Наградой стали душевные стенания и небытие, и, кажется, я прекратила неуёмный бег по жизни.

– По-моему очень логично.

Сердце саднило тупой болью, когда я мысленно приближалась к злосчастному дню. Я четко ощущала, что потеряла важный момент последних минут.

Что же я натворила?

Я знала, время остановилось и прожитое «до...», стоило разложить по полочкам. Мысль о том, что вспоминая главное, я отдалялась от него, не давала покоя. Пока было доступно только далёкое прошлое.

Похоже, что цела только голова, остальные части тела словно испарились и стали невесомыми.

Я представила себя колобком, который катится в никуда, зато вопросы в круглой голове шуршали, будто шары в барабане лото.

Вопросы касались семейной жизни, в частности Адама.

Я образно смотрела в потолок. Ясное дело, что смотреть в него я априори не могла. Вдруг, словно водопад, обрушились новые мысли, и я стала анализировать.

Муж бросил меня без объяснения причин (это факт!), но что произошло дальше, я не помню. Видимо я не решила задачу, раз до сих пор не знаю ответа.

Собственные представления о счастливом браке я подвергла сомнению.

Зря я считала его идеальным. Оказалось, что мое желание не гарантировало жить рядом с Адамом до смерти.

Как выкарабкаться из беды, решать только мне? Но я не прочь получить сторонний совет, чтобы восстановить развалившуюся в пух и прах семейную жизнь.

Может воспользоваться помощью гадалок и медиумов, экстрасенсов и вещуний, в конце концов. Неплохо бы обратиться к хироманту или астрологу, чтобы они заглянули в будущее.

Вынужденное безделье и кромешная темнота жутко надоели, и я решила использовать математические формулы, чтобы вычислить вероятность возвращения в семью...

Ни математика с таблицей умножения, логарифмами, матрицами, теорией вероятности, ни литература с выдуманными историями о любви, ни психология и наука о поведении, ни религия с различным осознанием мира и верой в сверхъестественное, ни моральные нормы, ни различные обряды, ничто не помогло разобраться с собственной судьбой.

Наука бессильна в вопросах предсказаний. Без новых открытий мы так и будем ходить по граблям.

Может пора денно и нощно молиться перед иконами, отмаливая грехи, чтобы бог смилостивился и простил.

– Эко куда занесли рассуждения, – в религию. Прямо высшая материя.

Пока в теле тлеет жизнь, я хочу мечтать и упрямо строить воздушные замки, пока не пойму, что со мной. Буду ошибаться, как и человечество, но отыщу причину странного заболевания. Возможно, именно здесь и сейчас, я познаю мир.

Надеюсь, что передовые умы изучат программу и отыщут рычаги управления судьбой. Предвидение событий освободит нас от страданий, а точные советы от науки помогут обрести счастье.

При мысли о всеобъемлющем счастье, я надела маску блаженства и подумала: «Каждый человек – это вселенная со своим восприятием мира, укладом жизни, отношением к окружающей действительности».

– Стоп! Достаточно демагогии! С навалившимся хаосом я разберусь сама. Нужно исправлять ошибки.

Интуиция подсказывала, чем раньше я это сделаю, тем лучше.

Жизнь переменчива! Она такая невразумительная.

Сегодня – яркая и разноцветная, солнечная и счастливая девочка, а завтра – черно-белая и хмурая, пасмурная и дождливая, седая и горбатая старуха.

Жизнь удивляет и разочаровывает, она бывает короткая, но насыщенная; долгая, но мучительная; серая или однообразная; цветастая и весёлая; горящая и витиеватая, словно серпантин. Жизнь богата разнообразием.

Судьба – тайна для людей. Непредсказуемость таит в себе особое очарование.

Какая жизнь была у меня? Куда завёл жизненный путь?

Недавно моя жизнь сияла радугой, но вмиг превратилась в серый кошмар. Зарывшись с головой в прошлое, я оценила чувства с расстояния времени. От отчаяния расхотелось жить и, находясь за гранью, я не видела цели вернуться. Можно оставшуюся жизнь бороться, исправлять ошибки, но тогда не останется времени жить.

Почему в голову лезут вопросы, заставляющие вздрогнуть сердце? Их количество нарастало, будто снежный ком, и не было им конца и края: «Зачем такая жизнь? Почему я одна? Кто разрушил семью? Кто ответит на вопросы? Какие силы вправе изменить судьбу? Что предпринять? Как поступить?».

Я задохнулась от их количества, они намертво придавили.

И вот, я уцепилась за события, позволяющие оценить природу семейного благополучия.

Мы жили счастливо, как молодожёны. Разногласия топили в сосуде любви, легко преодолевали жизненные неурядицы. Съев пуд соли, мы познали друг друга. Но оказалось, что тайны, мечты, мысли и желания твоей половины знать не должно.

Любовь объединила плохие и хорошие привычки, сильные и слабые стороны, жизненные принципы, моральные устои, меру ответственности. Только мы решали, какими нас увидит окружающий мир.

Открытость натуры зависела только от восприятия действительности, интеллекта и инстинкта самосохранения.

Но семейная жизнь, вразрез холостяцким будням, рушила личные планы. Самопожертвование было сравни героическому поступку.

Адам, неоспоримо, был в семье героем.

Признаться, я не представляла жизни без Адама. Любовь к нему крепла с каждым днем, будто хорошее вино. Без него я не могла жить, как без воды, еды и воздуха.

Мысль, что мы когда-нибудь расстанемся, не приходила в голову, пока я не столкнулась с реалиями жизни. Если я верила в вечное счастье, то ещё не значит, что муж думал так же.

...Медленно я приближалась к разгадке. Внезапно сумбурные мысли о семье убежали. Вдруг я стала студенткой, и окунулась в счастливое время с головой.

Свидание с Адамом было фееричным, до сих пор мурашки по коже от воспоминаний.

Глава II

Рай и Ад

Первый месяц учёбы в университете потребовал концентрации внимания, потому что методика обучения в корне отличалась от школьной программы.

Преподаватели вуза не акцентировали внимание студентов на собственной личности, как школьные учителя, они скромно излагали материал лекций, не заставляя слушать и конспектировать, давали выбрать путь к знаниям самостоятельно.

Семинары подтвердили предположения, что учеба свет, и халявы не будет, и надо тщательно изучать лекции, иначе экзамены не сдать.

Мобилизовав силы, я вникала в премудрости учения.

Иметь парня было физически невозможно из-за накопившейся усталости и постоянной беготни по кабинетам. Оставалось только флиртовать с парнями и мечтать о любви. Однако ко всему привыкаешь.

С появлением свободного времени можно было оглядеться по сторонам, отдышаться и наконец-то прислушаться к бьющемуся в груди молодому сердцу.

Занятая уроками я не видела бабьего лета, бушующего листопада, оранжевых красок осени, пока мой путь не пересёк Адам. Столкнувшись на входе в университетскую библиотеку, мы разговорились.

После первого нечаянного знакомства в общепите, мы долго не виделись, но эта неожиданная встреча и взаимная симпатия имела продолжение. Обмениваясь с новым другом впечатлениями о студенческой жизни, я тайно грезилась о прогулке с ним.

Короткое свидание положило начало совместным прогулкам с друзьями. Банальное знакомство переросло в крепкую дружбу. Глубокие чувства зародились не сразу, они пробивались, словно трава, через плотный асфальт панибратских отношений.

Любовь, вспыхнув ярким пламенем, грела до сего времени. Что случилось с нами, я не выяснила. Кажется, страсть угасла безвозвратно. Как же хочется, ошибиться.

... Уговор развлечь друзей в единственный выходной был в действии.

Воскресным утром мы купили пиво, солёную рыбу и встретились с друзьями в центральном парке.

Стояла по-летнему теплая погода в последние осенние дни октября, солнечные лучи, будто шампуры, пронзали пышные кучевые облака. Блики меж редких листьев слепили до слёз, они радужно блестели надеждой о взаимной любви.

Веселая компания, удобно расположившись на лавочках с чугунным литым каркасом, уплетала жёлтого полосатика, сушёные кальмары, чипсы, наслаждалась пивом и фисташками.

В глубине парка под сенью разноцветного клёна, вдали от любопытных взглядов, мы безудержно хохотали. Мальчишки наперебой сорили анекдотами. Как бесконечное количество их умещающихся в голове? Юмор задорно искрился в глазах рассказчиков.

Тёплый день, вернувшийся в холодную осень, насытив счастьем прогулку, медленно хмурился и темнел. Тучи обложили небо. Финальный солнечный луч, пробежав по макушкам деревьев, спрятался в расщелину меж облаков.

Морозящий дождь выдворил нас с лавочек и разогнал по домам. Пиршество окончилось, оставив след озорства.

Неторопливо шагая под зонтом, мы с Адамом болтали о пустяках, мировых новостях, космосе, о том, что приходило в голову. Он оказался начитанным и неутомимым рассказчиком. Он обаял своим интеллектом. С геометрической прогрессией во мне росла симпатия к веселому студенту. Мы не спешили расстаться.

К ночи погода испортилась, но даже промозглый ветер не развел нас по домам.

Мир растворился в полумраке. Крепкая нить дружбы опутала сетями. Остались свободными глаза и слова. Обнявшись, мы исповедовались до утра. Наши тайны стали общими.

Друзья вменили нам в обязанность организацию досуга гопкомпании, с чем мы прекрасно справлялись и далее.

После первой вылазки на природу последовали зимние развлечения в Рождество, на Новый год и Масленицу.

Мы удачно координировали друзей по месту и времени.

Встречаясь с Адамом, мы обменивались взглядами, рукопожатием и дружескими поцелуями. На студенческих вечеринках мы подолгу болтали о чепухе, доверяли новые тайны, сплетничали о друзьях, будто старые подруги. Лёгкие и непринуждённые отношения основали крепкий союз. Свободолюбивые, мы были открыты и независимы. Разносторонность взглядов и весёлый нрав создали надёжный альянс.

Привычки накапливаются всю жизнь. От некоторых вредных трудно отказаться. Адам стал губительной привычкой, но избавиться от нее я не спешила, обрекая себя на страдания.

В природе все закономерно, просыпаясь от зимней спячки, она возрождает жизнь. Весна – пора спаривания.

В то время, когда сошёл снег, вернувшиеся с юга птицы селились в старые дома, а новоиспечённые пары подыскивали место для потомства, наша любовь забурлила, словно таявший на солнце ручей, оставив в прошлом невинные встречи. Студенческая любовь соединила сердца, подарив счастье.

Историю первого поцелуя я не забыла.

Возможно, яркие эпизоды любви, наконец, пробудят ото сна, так же, как поцелуй королевицы Елисея поднял со смертного одра спящую красавицу. Сердце учащенно билось от чувств к Адаму, словно я возвратилась в прошлое.

После очередного семинара мы брели вдоль проспекта, глупо молчали, вглядываясь в седьмое небо. Паранджа из нежной зелени молодых листьев прикрывала архитектуру старинных зданий.

Весна полновесно шагала по городским улицам, буйно дышала теплом, оставляла шлейф аромата от лёгкого шелеста ольхи. Изумрудная река газонов сужалась, то расширялась, плавно обтекая изогнутые клумбы с бутонами тюльпанов.

Наслаждаясь единением с природой, мы разглядывали мир, оживший от прикосновения весны.

Перешагнув совершеннолетний рубеж, я верила, что впереди меня ждет долгая и прекрасная жизнь, а золотящееся сквозь рябь облаков солнце вселяло веру и надежду на любовь.

Мчавшиеся по проспекту машины, забивали ревом наши голоса, мешали услаждаться щебетом птиц.

После серой зимы, блаженствуя под липким солнцем, мы утонули в аромате ванили, слизывая пломбир. Вкушая сладость подкравшихся чувств, мы, сцепив пальцы в крепкий замок, замерли, боясь разорвать хрупкую связь и растерять зародившееся счастье.

Солнце жарким лучом, словно кремнем, высекло искру, которая, кочуя по венам, обожгла любовью. Высоковольтный разряд полыхнул в сердцах. Сгорая от любви, мы не замечали, что губы увязали в приторном молоке, таявшего мороженого.

Клятвенные обещания, зажатые в тиски молчания, не могли вырваться на свободу. Сравни торнадо, влечение, установило телепатический контакт. Безмолвие оказалось красноречивее слов, из-за бушевавшей душе страсти. Главным ингредиентом наших отношений стало золотое молчание.

Да, точно. Я, вдруг, ясно поняла, в чем крылась тайна нашего семейного счастья.

Включив молчание в семейный рацион, мы упивались тишиной, чаще за ужином.

Молчание вносило в жизнь равновесие, и примирило в разгар ссор. Истинные чувства дозревали в тишине, обретая неповторимое послевкусие.

Интуиция подсказывала, когда промолчать.

Слова убивали, они травмировали нежные, словно лепестки, чувства.

Немые передышки стали традицией, тем глотком воздуха, дающим астматике выжить при приступе. В безмятежные минуты мы искали компромиссные решения для примирения.

Рассчитав период затишья, мы знали, когда выплеснуть наболевшие мысли без скандала. Саморегулирующийся семейный организм выжил в мире раздора, справился с проблемами, благодаря молчанию.

Правильно! Мы созданы друг для друга. Так, что же разлучило нас?

Длительное молчание прервал Адам, я чуть услышала, сквозь шумевший поток машин, его тихий голос:

– Рай! – он дёрнул за руку.

Установилась относительная тишина, знаете, так бывает. Голос Адама выбухнул на фоне затишья:

– Рай!

Он оглянулся от неловкости, затем тихо шепнул на ухо:

– Хорошо, когда ты рядом, – и сладко улыбнулся. – Давай завтра сходим в театр на комедию.

– Комедии в жизни хватает... – хмыкнула я и, с отсутствующим взглядом, унеслась в нирвану,

Схватив за плечи, Адам потряс, возвращая меня из мира мечтаний. Очнувшись от грёз, я взглянула в его добрые глаза, чтобы осмыслить чувства:

– А? – вспомнив, о чем он говорил, я улыбнулась, будто сошла с ума.

– О чем ты думаешь? В облаках летаешь? – он указал пальцем в небо, где солнечные лучи затерялись в облаках, и засмеялся.

– Ра-а-й? Ты о чем? Ты спросил про рай? Ха-х!

Вернувшись из раздумий, я схитрила:

– Ты звал меня? Я думала, что спросил про рай.

– Чудачка!

Прижавшись к его крепкому плечу, я тихо прошептала:

– Да, я – Рай! И тебе в раю самое место!

– Возможно!

– Слушай, а ведь классно! Никогда не задумывалась над именем, и что оно означает. Это интересно...

Адам молчал, а я заполнила эфир:

– Рай в душах. Когда мы рядом, то ощущаем райское наслаждение. А ты знаешь, что такое рай? Все говорят про рай, но не могут описать. Как выглядит рай, – загадка.

– Ладно, говори, послушаю...

Я рассказала, что слышала от бабушки:

– Рай в религиях считается центром мироздания. Душа там счастлива, как мы на земле.
А ты счастлив?

– Я? О, да! – Адам воздел руки к небесам. – Ты же рядом.

– Рай – это место вечного блаженства души праведников, попадающей после смерти тела.

В раю за высокими коваными воротами, охраняемыми херувимами с огненными мечами, проживали Адам и Ева до грехопадения. Они наслаждались растущими дивными деревьями, благоуханием цветов, чудным пением птиц и невиданными зверушками.

Люди, вкусившие запретный плод, подаренный змеем, подверглись греху и утратили возможность вечно жить в совершенной природе. А ты попробовал бы запретный плод?

– Естественно! Но только с тобой, – он щёлкнул меня пальцем по носу.

– Бог изгнал провинившихся людей из рая за любознательность. Их потомки, утратив доступ к Древу Жизни, старились, страдали и умирали. Врата рая открыты для душ людей, которые верят в бога и за время земной жизни совершают благие деяния, – я потрясла пальцем.

– А я готов гореть в аду за твой поцелуй, – его глаза смеялись.

– Хм, какой ты, однако, беспечный, – а сама подумала: «Почему бы и нет?»

– Да! Главное, только за твой поцелуй, – он пальцем коснулся моих губ.

Сердце отозвалось радостью, затрепетало от счастья, но я продолжала рассказ:

– Я подумаю. Может, вдвоём гореть не страшно.

Сказки о рае чудо, как хороши и являют мечты человека в брэнном теле. В представлении людей, – рай сказочно красив. Дворцы в нем выстроены из серебряных и золотых кирпичей, пропитанных ароматом мускуса, а дороги усиланы жемчугом и яхонтом.

На входе в рай стоит лестница из мрамора со ста ступенями. Каждая ступень, – это расстояние в сто лет. По раю текут четыре реки наполненные водой, молоком, вином и мёдом. Берега украшают деревья из золота. Обитатели рая наслаждаются райским вином. Молоком кормят младенцев. Омываются чистой водой. Наслаждаются мёдом.

– Я готов упиваться тобой, вместо вина и мёда.

Адам обхватил меня за талию и прижал.

Мне понравилось. Меня охватили неведомые чувства, но я хотела закончить сказку о рае:

– А если ты станешь праведником, то тебя оденут в золотую парчу. Возлежать будешь в шатре посреди ковров на атласном ложе, в окружении подушек из зелёного шелка, – намекала я на послушание.

– Готов хоть сейчас. Слушаюсь и повинуюсь мой Рай, – он сложил ладони и сделал глубокий поклон.

– Прислуживать тебе станут юноши в изумрудных одеяниях с серебряными украшениями, а ублажать придут черноокие гурии несравненной красоты с роскошными волосами.

– О! Нет! А можно гурии будут близнецами и белокурые, как ты?

Он погладил мои волосы.

– Так ты еще и проказничаешь?

– Заманчиво!

– Ясно одно, бог приготовил для праведных служителей то, что не видело ни одно око, не слышало ни одно ухо и не чувствовало ни одно сердце. Не зря люди стремятся попасть в рай.

Адам, выслушав рассказ, кинул сверлящий взгляд и игриво подмигнул:

– Надо же! Я не подозревал, что в тебе скрыт талант сказочницы. Я чувствую, что уже в раю рядом с тобой.

– Даже так? А я, наверное, с тобой попала в ад.

– Это почему же? Тебе со мной плохо? – он крепко сжал руку.

– Так ты же Адам – первый человек сотворённый богом! Я совращу тебя яблоком, – я из сумки достала красное яблочко. Адам схватил руку, дотянулся к греховному фрукту и откусил половину.

– Ты ввела меня в грех! Мы прогневили бога. Теперь попадём в ад, где ждут грешников и не будет нам прощения.

– А я подумаю, вкусить ли мне запретный плод. Веди себя хорошо и тогда попадёшь в рай. Так что тебе выбрать.

Адам клятвенно поднял левую руку, а правую приложил к сердцу:

– Даю тебе обещание. Я буду вести себя хорошо!

Мы рассмеялись от неожиданных умозаключений о грехопадении людей. А я с вдохновением прочла стихи Омара Хайяма:

«Ад и рай – в небесах», – утверждают ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай – не круги во дворе мироздания,

Ад и рай – это две половины души!

Каждый молится Богу на собственный лад.

Всем нам хочется в рай, и не хочется в ад.

Лишь мудрец, постигающий замысел Божий,

Адских мук не страшится и раю не рад.

– Ад! – прокричала я сквозь шум машин. В душе пели птицы, лицо пылало от мыслей, осенивших в минуту счастья. – Ты мой ад!

Адам любовался моим настроением, юностью и азартом.

– Ха! Согласен. Ад, так ад.

– Я нашла! – от смеха дрожал живот.

– Что нашла? – Адам по-доброму злился на присущую мне беспечность.

– Формулу, – прокричала я.

– Какую формулу?

– Я вычислила формулу счастья!

– Она есть?

– Формула любви. Для тебя! Дарю! Я – Рай, Ты – Ад! Это же так просто.

Неожиданное открытие распахнуло сердце, и я вручила заветный ключик от него Адаму.

– Похоже, ты белены объелась. Или солнце весеннее в голову напекло. Сказочница!

Он притянул меня за запястье, но я вырвалась и, раскинув руки, закружилась на пятке. Дразнясь, словно малышка, я кричала:

– А-а-д! Ад! Какой белены? Я мороженого объелась! И от счастья голова кругом.

– Иди сюда, сумасшедшая!

Он поддержал, чтобы я не упала. Нежно прижал и поцеловал у всех на виду. Я смутилась, но не отстранилась. Он не отпускал. Влечение убило стыд и, упиваясь затяжным ванильным поцелуем, мы ставили под сомнение дружбу. Отгородившись от мира объятиями, мы забыли об окружающих, которые завистливо оборачивались.

Первый пылкий поцелуй под лучами искристого солнца был горячий словно ад и нежный, ровно рай.

В руках таяло мороженое, рисуя, каплями на чёрном асфальте, сердце, которое замирало и старалось биться в унисон. Было сладко и нестерпимо радостно. Жизнь заиграла радужными красками.

Я оторвалась от горячих губ Адама и прошептала:

– Я стану для тебя раем, если ты захочешь.

Долгий поцелуй сбил дыхание, от желания обладать любимым кружилась голова.

– Конечно же, я хочу! Сильно хочу! Уже давно! – шептал он на ухо.

Я – Рай, он – Ад! Антиподы как плюс и минус притягиваются, соединяясь в единое целое, – Ян и Инь.

Машины, замедляя ход, сигналили, а на асфальте осталось сладкое сердце.

Какое же долгое счастье было у нас на двоих. Казалось, что случится чудо. Сейчас я брошусь в объятия темноты и выйду в светлое будущее.

Когда жизнь свернула на тропу пропасти? В чем ошибка? Как нас угораздило отдалиться?

Будущее неизвестно, настоящее – сложно, а вот с прошлым вроде бы можно разобраться. Найти путь к спасению в данном состоянии, – проблема. Ведь не ясно, что случилось.

Похоже, меня избрал злой рок, но лезть в его тугую петлю я не спешила.

– Хм... он преследует людей по собственным критериям? – ответа не последовало.

К радости, рассуждать о материи бытия никто не мешал.

Жизнь часто чертит мёртвые петли, затягивая плотный узел на шее избранного, не давая выбраться живым.

Одни, вырвавшись из смертельной хватки злого рока, остаются девственными душой, сохраняют сердечность и доброту, дарят счастье близким людям.

Другие же сдаются и несут тяжкий крест, безвестно пропадают на дне жизни, превращаются в живых мертвецов, утрачивают человеческие чувства.

Как разнообразна судьба людей встретившихся на пути. Её витиеватые повороты изумляли конфигурацией.

Взрослая жизнь оказалась сложнее детских представлений о ней. Многих поглотила мрачная пучина действительности.

Жаль, что в мою жизнь ворвался злой рок, и испытывал на прочность.

Возможно, я была везунчиком. Я преуспела в карьере. Но удача не гарантирует вечного счастья. Новые испытания могут превратить в прах.

В детстве я знала застенчивого очкарика, который достиг карьерных высот тяжким трудом. Он уверенно шагал по жизни. Буду ориентироваться на него.

Страшно же попасть в изгой, и превратиться в несчастного и потерянного человека.

Буду бороться за счастье, и выстою в войне с судьбой.

Я верила, что нахожусь на пути к победе.

Внезапно меня накрыла волна одиночества, я ощутила слабость, переходящую в бессилие.

Состояние было смертельно опасным. Я напряглась, чтобы не получить от судьбы нож в спину.

Тягостные воспоминания касались мужа.

Как это было...

Глава III

Одиночество

К обеду стало ясно, что, из-за наметившегося собрания, рано уйти с работы не удастся. Спешить было некуда, я так считала.

А зря!

Дети были с мамой, а раз так, забот поубавилось.

Переступив порог дома, на меня навалилась непривычная тишина. Что-то ёкнуло в сердце от предчувствия беды.

Муж изрядно напился.

Первая мысль: «...в семье кто-то умер, и пришла беда...».

Адам, развалившись в кресле, вращал в руках бокал с виски и остатками кубиков льда. Слезы текли по небритым щекам и разбавляли адскую смесь. Остекленевший взгляд упёрся в хрустальное дно, словно прежняя жизнь утонула в горьком напитке и слезах. Выискивая в глубине утраченную любовь, он хлебал разочарование.

Я подумала, что муж неменяемый. Картина изумила до слез.

На пределе переживаний, я истерично расхохоталась. Раньше такого не случалось, не считая новогодней студенческой истории.

Впервые, я застала мужа разбитым жизнью. Не хватало слов. Я не предполагала, какие чувства скрывает столь сильный человек...

Язык ощутил солоноватый вкус. Что это? Слезы? Я плачу! Значит, жива...

Только лежа в гробовой тишине, с высоты времени, я сполна ощутила боль от укора вины.

Как же я допустила страдания любимого? ...ведь он плакал, – родной, раненый мной, человек. Стало не по себе.

...Я подошла ближе, хотела утереть слезу.

Он резко отстранился, как от прокаженной. Вытянув руку, предупредил, чтобы я не приближалась. Растерзанный вид Адама знаменовал глубокое горе.

Сердце мое затрепетало. Я ощутила, что свершилась непоправимая ошибка.

Ад с трудом сосредоточил взгляд на мне и заплетающимся языком промямлил:

– Я не желаю жить в одиночестве, проводить скучные вечера без тебя. Не хочу жить в окружении мебели, которая украла тебя, и гнетет меня. Я ухожу. Подумай, что тебе нужнее, я или этот хлам, которым ты заполнила углы дома. Кому-то, может, он и нужен? Но, не мне.

Сдержанный тон Адама охладил волнение, но когда до меня дошёл смысл вердикта, я не поверила ушам, списав укор на пьяные бредни.

– Все уладится. Главное, все живы, – я отступила и прошла в кухню.

Больше ни слова, ни полслова я не услышала.

Я вернулась, но его уже не было. Замерла посреди комнаты и молчала, будто в рот набрав воды. Казалось, что это лишь пьяная шутка и болтовня.

Я позвала:

– Адам! – прошлась по комнатам. – Ад! – Никого.

Слепая и глухая к чувствам мужа, я не заметила перемен в наших отношениях.

Взяв сумку с вещами, он, не простившись, ушёл.

Ночь казалась долгой, уснуть не удалось и я, ворочаясь, перебирала сказанные им слова. Успокаивала себя, что утром все наладится, предполагая, что опустевший дом действовал на

Адама так же, как красная тряпка матадора на быка. Непривычная тишина для него, весельчака, была необычайно скучна. Не выдержав отчуждения, Адам решился на перемены.

Думаю, так и было.

Роковая ночь.

Вернувшись к полуночи, я обрела то, что заслужила. С этого дня жизнь круто изменилась. Иная жизнь ждала меня с момента, когда ушёл Адам.

Каждое пробуждение начиналось с воспоминаний проклятого дня.

Поступок мужа остался тайной, которую я не разгадала. Его решение уйти, разбило сердце. В ту ночь, я познала цену точному определению, – гром среди ясного неба.

Началась жизнь «после...».

Я разыскивала Адама по друзьям и знакомым, родственникам и дачам его друзей.

Дальнейшие события развивались молниеносно, видоизменяя мою одинокую жизнь.

Я правильно сказала! Одинокую. Не могла же я, запросто сказать детям, которые отдыхали у бабушки, что теперь будем жить без папы.

Судьба, предлагая выбор, дала мне возможность неоднократно менять правила игры.

Удар по самолюбию, оказался значительным.

Душа от потрясений попала в разверзшуюся бездну, и я осознала, что дорога в ад открыта. Путь к свету я выбирала впотымах.

Какими были мои последние годы жизни?

Времени на домашние дела катастрофически не хватало. Адам был на редкость терпим, и привык делать работу по дому за двоих.

Однажды мы даже поссорились на почве разногласий. Вопрос об обязанностях жены остался открытым. Единственное, с чем был согласен Адам, чтобы дети проживали на свежем воздухе под присмотром моей мамы.

Жертвуя личным временем, ради материального благополучия, я допоздна работала. Адам же, чаще молчал.

Отодвинув семейные радости на задворки жизни, я теперь оправданно наблюдала картину, как рушилось счастье.

– Вот, дура! Так мне и надо! Как же слепа я была.

Заработанные деньги стали для меня воздухом, которым некогда был Адам. Если бы я была прозорливее, то избежала бы беды. Что теперь об этом судить.

Лежу, как бревно и рассуждаю.

Мозги растеряла по дороге в ад.

В капкане смерти только и остается, что прокручивать прошлое, искать ошибки.

Нужно ли их искать? Для чего скитания по истории неудавшейся жизни?

Сколько раз я возвращалась к моментам разлада, не счесть. В который раз я прокручивала картину расставания с Адамом.

Возвращаясь к переломному дню, я искала ответы. Каждую секунду жизни я проживала снова и снова.

Теперь каждое утро я просыпалась разбитая бессонницей и искала ответ.

Куда исчез Адам?

Время шло. Нет, оно не шло – тянулось, ползло, замедлялось и застыло на том несчастном дне.

Я ждала звонка от любимого каждый день. На третий заскучала, а через неделю выла волком от одиночества. Через месяц я уже не ощущала ни душевной, ни физической боли. Я умирала, а он не возвращался. Как преданная собака, я собиралась ждать хозяина, пока сама не умру от горя.

Весь тягостный месяц я не жила, а существовала, хотя были попытки изменить отношение к жизни. Никто не помог. В голову лезли страшные мысли о смерти. Одиночество медленно убивало. Жизнь превратилась в безликое существование.

Новый взгляд на бытие обличил истинные чувства, и то, как сильно я скучаю по Адаму.

Зарабатывая деньги и отдав жизнь работе, я не осознавала, как безумно привязана к мужу, и сейчас узнала разницу жизни рядом с ним и без него.

Навещая в выходные детишек, я любовалась Катюшей. Её лицо не давало забыть черты мужа.

О соре я молчала, чтобы не травмировать родных новостью, пока окончательно не прояснится будущее.

Ещё вчера был видимый успех, отличная семья, оплачиваемая работа, но в одночасье жизнь рухнула.

Неудачи преследовали одна за другой. Жизнь превратилась в кошмар.

...Словно на паперти, – я каялась, в крошечной тьме размышляла о жизни.

Мысли возвращались к вопросу: в чем ошибка? Когда между нами выросла пропасть?

Теперь плачь не плачь, а вернуть утраченные чувства, надо. Ясно одно, что мы отделились друг от друга в прямом и переносном смысле.

Я винила себя.

Сквозь розовые очки, я не видела мучений любимого.

То, что Адам послан богом для меня было очевидно. Я не лукавлю, когда думаю, что наши судьбы соединены воедино навечно.

Блуждая по истории студенчества, я остановилась на моменте первой разлуки.

Прежние чувства были ярче. В разных периодах жизни расставание расставанию рознь.

Вынужденная разлука двух тоскующих сердец на время летних каникул казалась вечностью. Она в корне отличалась от нынешней.

Ухватив нить воспоминаний о чувствах к Адаму, я задумала склеить осколки раздробленного счастья, чтобы возродить их в первоизданном виде.

Я провалилась в сон, где царствовала юность.

Силу притяжения не измерить поцелуями. Обжигающее желание любить и быть любимой в корне изменили суть встреч, превратив свидания в долгие часы объятий. Мы увязли в неодолимой страсти.

Для нас не имели значения условности общества о том, что правильно, а что нет. Любовь не приемлет границ. Флирт улетучился, растворился в желании принадлежать мужчине. Пропорционально силе любви усиливалось притяжение. Кокетство, – женское орудие для покорения мужчин, – испарилось.

Избранные судьбой, мы достойно держали экзамен, – испытание любовью.

Вспыхнула та, – главная в жизни любовь с продолжением рода человеческого, о которой слагают стихи, пишут прозу, экранизируют романы и воплощают в балете, которую мы ждём, а, не дождавшись, отчаиваемся.

После напряжённого года учёбы, сдачи зачетов и экзаменов, наступили каникулы – время выводов и мечтаний о будущем, восстановления сил, осмыслений пройденного этапа жизни.

Для нас летние каникулы стали испытанием верности. Какие же они были долгие.

Время и расстояние проверяли чувства. Учитывая юношеский максимализм, скука была нестерпима вдвойне. Дни плелись, словно черепаха.

Мне было сложно скоротать время до возвращения в епархию университета, заполнить образовавшуюся пустоту, скрасить одиночество.

Леденящее чувство тоски по вечерам было сродни голоду, с той лишь разницей, что голодный знает, что хочет.

Впиваясь пиявкой в сердце, одиночество бесцеремонно поселилось в осиротевшей душе, захватив в плен юношеское веселье. Грусти в душе было раздолье. Суровое уныние разъедало сердце.

Время, будто дрянной доктор, не спешил помочь.

Тем летом Адам стал ледяной вершиной, недостижимым источником живительной влаги в пустыне, был миражем. Я осознала, что жажду не утолить на расстоянии.

Каждый миг я мечтала броситься любимому на шею, чтобы он обласкал истерзанное скукой тело, испить из чаши глоток счастья, насытиться любовью и забыться в радости.

Одиночество причиняло боль, осуждало беззаботное веселье, поощряло плаксивость, опустошало душу, изгнав радужные чувства. Закованная в наручники тоски, плоть не насыщалась мечтой. Одиночество, будто злой охранник, лишило прелестей жизни.

Привязанность оказалась крепче родственных уз. Как могла, я берегла связующую нить.

Считая дни, я писала письма, по сто раз перечитывала послания любимого, отыскивая в строках тайный смысл.

Никто не мог занять место Адама в моем безумном сердце.

Неизлечимо больная Адамом, я отсчитывала календарные дни до начала учебного года: пять ... четыре ... три ... два ... один, сокращая жизнь одиночеству. Оставшиеся часы медленно таяли, умекаясь в минуты, приближались к концу каникул.

Стук в дверь комнаты общежития отозвался в сердце. Дверь распахнулась. В ней материализовался силуэт. Мгновение остановилось.

Через сотню лет я бы узнала безупречный образ. Отдохнувший и загорелый, возмужавший и окрепший на пороге явился Адам. Из его карих глаз через край изливалось счастье. Улыбка осветила с правильными чертами лицо.

Измученное расставанием сердце закружило мою голову. Невесомость завладела телом. Казалось, взлетев, мы через долю секунды окажемся в опасной близости.

Молчание было красноречивым. Заиндевелившие в промозглом холоде разлуки, мы ожидали, когда стает лед.

От жаркого желания прыгнуть в объятия, я боялась дыханием нарушить тишину. Власть насыщаясь любовью, я обласкала каждый дюйм дышащего свежестью тела.

Время стерлось, мгновения казались вечностью.

Адам жадно скользил глазами по моему озябшему без любви телу, шифоновому платью, загорелым бронзовым ногам в туфлях на каблучке. Он шагнул ближе, убрал с лица выцветшие от солнца пряди, задержал взгляд на глубоком вырезе.

Как в немом кино, он цеплялся взглядом за каждую клеточку, разжигая страсть.

Он погладил щеку, и я ощутила каждую петлю и дугу на пальцах. Стёр слезу, ощупывая каждый волосок, щекотно поцеловал пряди. Ласки сравнимые с легким ветром, заставили соски затвердеть и предательски проступить сквозь одежду.

Сердце стучало, душа замерла, ожидая эмоционального фейерверка.

Пальцы скользили по спине. Его крепкие руки сжали талию, он приподнял меня и, удерживая, бережно, будто хрупкую вазу, опустил рядом. Он обвил меня мощными плетями, будто лиана, сполз вниз и уткнулся в живот.

Запустив руки в плотную шевелюру черных волос до плеч, я прижала голову и зарыдала. Расстояние стёрлось. Время остановилось. Так бы и стояли вечность, словно скульптурные изваяния.

Но время рвануло, набрало обороты, достигло апогея, и мы сплелись воедино, ощутив близость каждой молекулой.

Горло пересохло. Волна горячих поцелуев бросила в жар. Сумасшедшая страсть взорвалась грудным стоном. Тело раскрепостилось от пылких объятий, разгораясь, словно факел, таяло, будто пластилин в искусных руках мастера.

Я жаждала избавиться от ненавистной детали разделяющей нас, хотела, чтобы платье мгновенно растворилось, ровно туман.

Задыхаясь от вожделения, я пылала, словно костер, безжалостно облитый маслом. Мир уплывал из-под ног. Блаженство разливалось по телу сладкой истомой.

В минуту счастья слова теряли смысл. Они уступили место многозначительному молчанию. Красноречивость меркла пред яркостью чувств.

Возвращаясь в прошлое, я заново читала любимую книгу о моей юности, отыскивая новый смысл. От долгих часов одиночества в темноте, мысли, будто смерч, вырывали из памяти куски воспоминаний. Каждая мелочь имела значение.

Искренние эмоции живы во мне и сейчас.

Непрестанно решая задачу с неизвестным, чтобы исправить неверный результат, я копалась в моей жизни «до...».

Возвратить былое счастье мы могли только вдвоём. Адама рядом нет. Значит, задача останется нерешённой.

Пылкие поцелуи, бурные объятия, полёт души, я ощущала заново. В непроглядной темноте осознавала, что чувства неподвластны времени. Они, как и прежде, сильны.

Складывая мозаику, я составляла пазл, мечтая собрать картину ослепительного счастья.

Судьба заставила играть сотворённую пьесу снова и снова. Разлука была лишь инструментом проверки наших отношений на прочность. Происки судьбы невероятны. Что же она уготовила мне сейчас?

Решение есть, и его нужно найти.

В жизни «после...», меня посещали некоторые идеи: устроить новую жизнь; пустить все на самотёк; развестись и жить дальше; договориться о примирении. Вариантов много, а выбрать нужно один, как в сказке:

*Налево пойдёшь – коня потеряешь,
Направо пойдёшь – жизнь потеряешь,
Прямо пойдёшь – жив будешь, да себя позабудешь.*

Да и в сказке выбор невелик. Куда не пойдёшь, что-нибудь важное да потеряешь.

Начнешь жизнь с чистого листа, а как же дети? Они то, чем виноваты, почему должны страдать?

Когда ничего не чувствуешь, кроме отчаяния, – это и есть ад.

Чувства ведь вернулись, застучали, запросились в сердце и холодное отогрели. Любовь жива! Вопрос: любит ли Адам? – комкает мою надежду сохранить любовь.

Снова тишина, ангел давно не приходил. Устав от вопросов, я провалилась в безмятежный сон.

Я вернулась с тяжёлым сердцем. Меня словно током тряхнуло. Вина окатила жаром за мой бездушный поцелуй. Разве мы достойны безликих отношений? Черт бы побрал рабскую зависимость от работы! Поздно ругать за неверный выбор.

Вдруг, я осознала, что в погоне за материальными благами растеряла драгоценные эмоции.

Память цепко отслеживала хронологию семейной жизни.

Адам был предначертан судьбой. Он моя половинка. Я его Рай, так мы решили.

Нам нравилась игра в Рай и Ад.

Было время, когда мы ни дня не жили без поцелуев.

Итог: яркий, необузданный секс, – умер. Кто украл неповторимое счастье?

Подоспели каламбур воспоминаний из прошлого: охапка белых роз от Адама за рождение Катюши; праздничная коробка конфет и ящик шампанского за рождение Дашки; торжественное вручение ключа от новой квартиры; машина в подарочном банте.

В голове рисовалась безоблачная жизнь.

Слезы отчаяния проложили путь к губам, чтобы ощутить горечь утраты.

Адам был шепутной. Заряжал позитивом окружающих. Безудержный и неутомимый, он был в центре внимания. Умело разыгрывал друзей. Без усталости трудился. Полным сил и энергии находил время для детей. С изобретательным Адамом я не скучала. Секс приносил в семейные отношения новизну чувств, он был составляющей счастливого брака.

Жизнь с ним была праздником.

Адам взял за правило выезжать с семьей на отдых. В выходные готовил ароматный шашлык на родительской даче, нырял в ледяную прорубь после парилки. Посещал с друзьями ближайший бар. Отмечал знаменательные даты в ресторане. Участвовал в воскресном шопинге. Время на общение с семьей он не жалел.

Работа превратила наши отношения в рутину. Краски серого, внедряясь в живописную картину семейного счастья, превратили красочное полотно талантливого художника в унылое безрадостное зрелище.

Вмешались необъяснимые темные силы, разрушили целостность идеи и испортили пейзаж грязными разводами.

В день расставания я увидела другого человека, глубоко несчастного. Мой эгоизм зашкаливал, мешая Адаму осуществить мечты. Любовь превратилась в сексуальную рутину, консерватизм свёл её к механической привычке.

Оставалось сокрушаться на себя, что не уберегла яркие краски любви.

Печальный конец.

Адам, – моя жизнь! Как я могла выпустить птицу счастья? Где черпать силы, чтобы бороться? Как вернуть то прекрасное, что было и ушло? Может дело вовсе не во мне? Он разлюбил, а я не заметила?

Потеряв нить привязанности, я искала концы, чтобы связать их крепким морским узлом.

Материальные блага ублажали эго, заменив ласки Адама, и я не заметила опасность, вставшую на пути к женскому счастью.

– Господи! Помоги! Дай время и силы начать жить заново! – крик не был услышан, он, как и прежде, застрял в горле на пути к свободе.

Начался отсчет моей жизни «после...».

Я сломалась, не пройдя испытание. Теперь я боялась оступить вновь.

Но сколько бы я не плакала, не вернуть Адама. Одиночество старило душу. Выхода нет! Мысли скакали, будто неуправляемый табун.

По совету Луизы Хэй, я хотела создать свою аффирмацию, которая защитит счастье и воплотит в жизнь мечты, но сформулировать ее, так и не смогла.

Надо было избавиться от мусора в голове, освободиться от неплодотворных и навязчивых идей, обличить конструктивные мысли в слова, и повторять, словно мантру.

Мысль тем хороша, что ее можно изменить.

Внушая позитивные мысли о достойном будущем, я могла бы избавиться от тягостных дум. Но не было той созидательной идеи, которая будто луч света озарил бы темное царство обители мыслей.

Не создав удачную аффирмацию, я чужеродную заимствовала.

И снова воспоминания.

Когда я впервые тосковала?

Я вспомнила те дни.

Перебирая ворох накопившихся историй, я скрупулёзно цеплялась за каждую.

Мысли унеслись в детство. Тепло родительского очага согревало от душевного холода.

Мне было три года, но моменты смертельной тоски врезались в память.

Каждое утро, мама, уходя на работу, отводила меня в детский сад через дорогу.

Сад как сад, без особенностей. Общая комната для игр и спальня. Гардеробная с индивидуальными шкафчиками. Столовая. Туалет с горшками. Деревянные горки во дворе. Беседки для игр. Качели, песочницы и многоуровневые лесенки. Двор утопал в зелени высоких деревьев. Клумбы с яркими бархатцами и петуньями придавали нарядности. Довольно милое и уютное местечко.

Ежедневное пребывание в детском саду раздражало. По пути в сад я устраивала маме истерики со сбрасыванием ботинок, а мама злилась и тащила пышечку, отрывая руки. Рыдая от бессилия, я желала обрести свободу от опеки чужих тетенок.

За равнодушием скрывалось отчаяние. Родители не собирались оставлять ребенка дома. Поэтому в детстве я часто болела. Мама объясняла:

– Нельзя брать на работу детей, там опасно и не пускают маленьких.

Трудно понять малышке, почему нужно отправлять ее в чужеродную среду.

Ожидая родителей у окна, я бежала при виде милого образа, сломя голову.

К концу детсадовского заключения, внутренний мир лишился красок, превращая детскую радость в черно-белое ожидание. Тоска по маме железными когтями царапала сердце. Шемящее чувство обострялось в те минуты, когда детей уводили по домам. Я считала себя брошенной.

Страх остаться без мамы был, похоже, встроен в гены.

Ребенком я познала одиночество, что оно неотъемлемая часть жизни. Что может быть хуже, когда родные люди предали.

С тех пор, на чистый холст детского сердца, впервые, легли тяжистые мазки одиночества.

Вечно работающие мамы не могли изменить устои общества и бороться с ними.

Бывало, что отец уносил меня спящую, а утром просыпаясь в кровати, я ощущала ужас, что однажды останусь в детском саду навсегда.

Ожидая у окна родителей, я, сгрызала ногти. При виде мамы или папы я, раскинув руки для объятий, неслась, словно ураган, по коридору и кричала:

– Ура!

Обхватив шею, я прижималась к тёплому лицу, вкушая медовый аромат родной плоти.

Материнская любовь пахла молоком и хлебом, ванилью и корицей, добром и лаской, заботой и чем-то неуловимо сладким для души.

Чтобы мама не ушла, я крепко держалась за шею. Она улыбалась, целовала макушку и щеки, гладила по волосам, поднимала высоко над головой и приговаривала:

– Котёнок мой. Расти в-о-т такая большая. Я скучала по тебе, растрёпа, – ставила на пол и, поправляя косички, жаловалась:

– Никто тебя не причешет так аккуратно, как я. Скорее бы ты выросла.

Минуты, проведённые с мамой, вьелись в память. Равнозначная любовь вечна. Ах, как я любила, когда она меня кружила. Хохотала до колик в животе, захлёбываясь счастьем. А потом, шатаясь, падала от головокружения.

Если приходил папа, все было иначе. Мальчишки замирали при виде его форменной шинели. Разглядывая погоны со звёздами, они с опаской трогали золотые пуговицы на мундире, и с завистью провожали его взглядом. Трепетали от восторга и уважения.

Меня в такие минуты обуревала гордость, ведь он был героем для мальчишек.

Любовь к родителям составляющая детского счастья.

Я снова пережила желанные мгновения. Появился мощный стимул жить, хотя я не знала, нахожусь ли на грани жизни и смерти.

Только здесь и сейчас я осознала силу родительской любви.

Тоска по отцу разорвала сердце. Грустно, что я не увижу родное лицо, не поделюсь проблемами, не коснусь широкого плеча. Беспредельная печаль растрожила душу.

Тоска по Адаму была иной.

Листая страницы жизни, будто роман, я не могла остановиться. Словно мне дали право прожить жизнь заново, оценить чувства, найти ответы.

Будто кто-то решал задачу, – жить мне или нет.

Кому это подвластно?..

Глава IV

Птицы

Время перетекло из ночи в день, заполнив пустоту души грустью. Под конвоем воли я ходила на работу, интерес к которой улетучился разом с потерей Адама. Рухнули представления о долгой семейной жизни. Деньги, стоящие во главе угла, теряли актуальность, желание пополнить карманы рассыпалось. Азарту пришёл конец.

Дурацкие вопросы коллег о настроении вызывали злость. Дочерей, жаждущих родительского тепла, я оставила на теплые руки бабушки.

Хорошо бы выплакаться в чью-нибудь жилетку. Но есть огромное «но!».

Чужие уши несут опасность злословия, от которого не избавиться, как от заразы. Я не ждала жалости. Проблемы я не навешиваю другим. Смело скажу, что горжусь этой чертой характера.

Знаю, как не хочется вникать в чужие горести, имея в избытке свои. Вечно плачущие люди наводят тоску и раздражают. Не делясь с подругами перипетиями, я желала слыть загадочной, энергичной, радостной, отзывчивой и улыбчивой женщиной. Именно такой я себя видела.

Есть в моем списке знакомые дамы, с которыми я избегала встреч только потому, что они вселяли тоску, выплёскивая свои неудачи на мою голову. После беседы с ними, я ощущала липкую грязь от словесных помоев. С облегчением покидая общество нытиков, я зарекалась не уподобляться им.

В девиз общения с людьми я заложила идею не надоедать им проблемами, не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Разве не унижительно ощущать на спине сочувствующие взгляды, слышать умозаключения о несчастной доле.

Жалкий образ неудачницы я отвергла. Закрываясь от мира, я сдерживала лавину осуждений.

Скверные моменты непременно заканчиваются, а вынесенный сор из избы, оставляет след грязи в людской памяти.

Как и в прошлый выходной, я пережила тягостные моменты. Проснувшись ни свет ни заря, я долго мусолила в голове каламбур из волнующих снов. Ночь в пробуждениях и мыслях разбила тело на осколки. Депрессия укоренилась, ее удушающие лианы обвивали душу, питаюсь остатками жизненных сил.

Будто деревянный болванчик, я сидела четверть часа на краю кровати, слушая, барабанную дробь дождя о подоконник. Замысловатый пазл фееричного будущего вялый мозг не складывал.

Глубоко вдохнув, я все же подняла пятую точку и включилась в жизнь. Отодвинув штору из органзы, я взглянула на начищенные до блеска стекла, по ним стекали капли дождя, он в паре со мной плакал по утраченному счастью. Природа неистово обливалась слезами по солнцу, спрятавшемуся в непроглядных тучах.

За окном были, – безлюдный двор; глянцевые мокрые листья; ручьи, сбегаящие в ливневые шахты, которые переполняли их, будто реки в половодье; кошки под навесом песочницы, вылизывающие мокрую шерсть; машины с мечущимися дворниками; птицы, тоскливо уткнувшиеся клювами в перья, ждущие погоды.

Окружающий мир наводнила грусть.

Собака со слипшейся шерстью, поджав хвост, бегала в поиске пристанища. Плохо жить без хозяина, он бы не выгнал в ненастную погоду.

Плаксивое утро после беспокойной ночи убило надежду на спасение от одиночества.

Мысль о муже, заполнив каждую клетку сознания, не оставила места для радости. Горечь от обиды, выплеснувшаяся в кровь, медленно отравляла жизнь. Я жутко устала печалиться.

В довершение, дождь полил как из ведра, и, грохоча об отлив, всколыхнул обиды раненого сердца. Разрыдавшись, я дала чувствам вырваться наружу.

Капли жёстко падали на металлический откос, он неуклонно принимал удары судьбы, как и я.

Интенсивность дождя изменяла силу звука ударного инструмента, расширяя его диапазон. Создавалось благозвучие тонов, словно ко мне заглянул на похороны симфонический оркестр.

Кап, кап-кап, кап. Дождь методично отбивал ноты. Они звучали, будто церемониальная религиозная музыка африканцев, основой которой был ритм. Композиция зомбировала, будто маятник часов, мерным стуком. Тики-таки, тик-так.

Непредсказуемые закодированные сигналы ливня усложнились, оставляя суть музыки неизменной. Через ритм он являл эмоциональную составляющую природного художника и закономерность идейного замысла.

Горечь охладила кровь, убив на пути все живое. Я окаменела подобно раскалённой лаве пролившейся из недр на землю. Озябшая душа съёжилась от внутреннего холода и заоченела от грусти.

Я жаждала тепла от дождя, подставив каплям лицо и одеревенелые руки. Горько рыдая от захлестнувшего одиночества, я захотела, разрывая связки, минорно крикнуть, чтобы горлом хлынула кровь. Адреналин заставил сердце биться двести ударов в минуту.

Раздувшаяся артерия на шее медленно душила от ненависти к себе. Отчаяние крепко сжало виски. Боль раздирала каждую клетку. Отхаркнуть бы разъедающее душу одиночество, как чуждую слизь и облегчить боль.

Небесная симфония проникла в сознание, умножала пластичность рассудка. Умиротворяясь гипнотическими нотами, душа слилась с музыкой дождя. Стройный ритм будоражил воображение, пробудил желание танцевать в бесконечном ритме.

Нога, будто чужая, отстукивала ритм, – тук-тук. Сердце не упустило ни нотки, билось в унисон ливню, боль утихла от размеренной музыки, тело успокоилось, негативные мысли сбежали. Дождь оберегал безумный мозг от сумасшествия, гасил эмоции. Природная музыка дарила телу новые чувства.

Раскинуть бы руки, словно крылья, и полететь к раскалённому солнцу, чтобы отогреться. Мечта соединиться с тоскующими сердцами и вырваться из капкана одиночества, крепла.

Хочу, перемахнув тучи, улететь в открытый космос, утонуть в солнечном свете, ощутить счастье и задохнуться свободой. Утихомирив дыхание, я устремила взгляд в серую бездну безмолвия в безмятежную пустоту неба.

Обогреваемая мечтой о солнце, я заметила, как горячее дыхание встретилось с холодным стеклом. Мгновенно запотев, оно скрыло серую картину небосвода.

На образовавшемся тумане я вывела пальцем слово «ску-ча-ю», повторяя вслед шёпотом: «Ску-ча-ю».

Дождь выбивал дробь чечетку: «Ску-ча-ю».

Повторяя, я шептала небу:

– Я так давно не видела тебя, что не помню лица, – и сердце заныло: «Ску-ча-ю».

Я знаю, что ты есть, далеко, но есть. А может, я не скучаю, откуда мне знать, что это скука, может это боль?

Мысли скользили точно капли дождя по стеклу:

– Я скучала по тебе не раз. Скучала на летних каникулах, когда была студенткой.

Скучала, когда ты уезжал в командировку, и с замиранием сердца ждала твоего возвращения.

Скучала на работе, и каждый раз спешила домой, словно на свидание. Но та скука не мешала жить, она была тёплая и радостная, томительная и печальная. Сладкое чувство ожидания не приносило тупой боли, не вызывало слёз.

Скучаю, вдруг исчезло со стекла, наверное, оно улетело к тебе, чтобы сообщить об этом.

Ску-ча-ю! – мысли вторили дождю. – Возвращайся, ну что тебе стоит. Я жду! Если тебя нет рядом, то вся жизнь теряет смысл! Разве так бывает? Оказывается, да.

Я не раз представляла, как ты вернёшься. Как я брошусь к тебе на шею, уткну нос в плечо, вдохну родной запах, задохнусь от счастья, и вспомню неповторимый покой, исходивший от тебя.

Какое грустное слово – скучаю. Я скучаю по тебе! Я скучаю без тебя! Я не могу жить без тебя! Я не могу дышать без тебя!

Скучать без тебя – значит, что тебя нет рядом, если тебя нет – я одинока, вокруг пустота и холод, жизнь без тебя невыносима.

Скучать по тебе – значит, нужно слышать твой голос, твёрдый и нежный одновременно, безудержный смех, искромётный юмор; видеть добрую улыбку; чувствовать касание губ, тепло твоих рук и любовь.

Быть с тобой – значит, остановить мгновения счастья и насладиться сполна; слышать сердце, стучащее в унисон; утонуть в уютном покое; верить.

Не шелохнувшись, словно мумия, я стояла у окна.

Сверху слетела тень. От удара задрезало стекло, и оглушительный звон острым лезвием воткнулся в сердце. Содрогнувшись от ужаса, я сгруппировалась, машинально сжалось в комок и, потеряв равновесие, упала. Опасаясь осколков, я обхватила голову руками и зажмурилась.

Стекло отразило удар, а в комнате воцарилась мёртвая тишина.

За окном, как и прежде, лил дождь. Привстав, я осмотрелась.

Снаружи на отливе лежала синица в ярко-желтой рубашке, словно джентльмен в чёрном фраке с галстуком. Птица напыжилась. Тело билась в конвульсиях о металл. Обманутая прозрачностью стекла птица умирала.

Я была в растерянности, наблюдая картину смерти. Когда жизнь окончательно покинула небесного жителя, я всплакнула.

На месте, где лежала синица, воспарило плотное облако, оно быстро разрослось в объёме. Молниеносно организовалось полупрозрачное существо. Волосы у меня на голове зашевелились, рот пересох. Я отскочила на пару шагов. Показалось, что я сошла с ума.

Облако, увеличиваясь до размеров окна, материализовалось в ангела, который расправил три пары ажурных крыльев. Кукольное лицо обрамляли кудри. Хрустальные туфельки сверкали из-под веера белоснежного платья.

Он витал за окном, словно хотел прорваться в мою обитель. Разглядеть мелкие детали одеяния не удалось, однако когда он приближался, я ощущала всеобъемлющую заботу. Глаза я стоически не отводила.

Над головой ангела вспыхнул неоновый нимб. Яркие вспышки слепили, казалось, что проникая в душу, они заполняли пустоту.

В тот день я впервые встретила с ангелом. Это был Он, – мой ангел.

Протянув руку, чтобы коснуться его, я ослеплённая, не успела дотронуться, как он неожиданно испарился. Руку обжег холод.

Я наклонилась, чтобы отыскать птицу, но она стинула, ровно и не бывало.

Вернувшись в действительность, я вспомнила народную примету. Бьющаяся о стекло птица – к смерти. Досадное умозаключение окатило жаром. Птица, предупредив об опасности, угодила в капкан смерти.

Поверие, что ангелы явившиеся человеку – вестники гнева божия, касалось меня. Не веря в происходящее, я открыла окно, желая убедиться, не разбилась ли небесная гостья.

Перегнувшись через подоконник, я посмотрела вниз, но птицы там не было.

Дождь залил лицо, окатив прохладой. Туман скрыл соседние дома, от земли повеяло сыростью. Окинув окрестность долгим взглядом, я вдохнула кисельный воздух, стёрла с лица капли дождя, и с противоречивыми мыслями прикрыла окно.

Страх прошел. Я успокоилась. Суждения свелись к безответным вопросам:

– Когда льёт дождь, птицы летают? Или не летают? Откуда взялась птица? Или это не птица? Быть может это посланник? Правда ли то, что я видела ангела или это плод большого воображения? Боже, что со мной? Спаси! – я перекрестилась и тут же вспомнила: – Ангел – знамение высших сил. Как же понять, что он предвещал? Какие неприятности ждут?

Тело покрыли мурашки, будто через меня пропустили электрический ток.

Разве бывает еще хуже, чем сейчас?

Душа и так страдала. Устав от вопросов, я насухо вытерла лицо от дождя. Сомневаясь в адекватности после странных видений, я у зеркала рассмотрела отражение, чтобы подметить все ли со мной в порядке. Вглядываясь в зрачки, я не видела признаков безумия.

От горячего дыхания зеркало покрылось туманом, сквозь который проглядывалась взрослая женщина с глубоким мудрым взглядом. Опущенные чёрными густыми ресницами синие глаза, выделялись на бледном, уже потерявшем юный румянец, лице. Брови домиком делали взгляд удивлённым и открытым, как будто в глазах застыл вопрос.

Сквозь налёт времени ещё можно было различить юношеские черты. Казалось, что за эти годы я не изменилась, даже похорошела. Но время неумолимо летело, отобразив морщинками на лице историю жизни. Они, словно годовые кольца деревьев, отсчитывали прожитые годы.

Мелкие метки у глаз оставила бесшабашная юность, как след весёлой жизни. Линией между бровей означился признак усталости и обид. Тонкая поперечная паутинка на лбу являла миру знак разочарований и унижений.

Разглядывая лицо, я желала увидеть сквозь кольца времени те мгновения, в которых была счастлива. Разбитая муками, я нуждалась в старом счастье. Грусть казалась неизлечимой. Я поняла, что разучилась улыбаться.

Взмахом палочки, будто дирижёр оркестра, я заставила себя усмехнуться. Старый приём возрождения к жизни, как ни странно, сработал.

Фиксируя милый изгиб губ, я сменила печальное выражение на улыбку, чем заставила поднять настроение. Плоть насытилась радостью.

У меня получилось!

Где-то в глубине зажглась искра надежды на выздоровление. Глаза засветились при воспоминаниях о счастливом детстве.

Только дети способны радоваться жизни и, вопреки бедам, наивно удивляться небу, солнцу, цветам, ветру, птицам и испытывать счастье, прикасаясь к прекрасному миру.

Что есть радость? Я не думала раньше о радости, как о чем-то недостижимом. Она с рождения была во мне и вдруг исчезла. Стоило только растерять драгоценный дар, чтобы понять значимость.

Радость покинула! Вернись! Заклинаю! Господи! Молю тебя! Верни мне радость!

Жизнь без Адама изменила меня. Разглядев лик в зеркале, я содрогнулась. Потухший взгляд превратил в старуху, губы выдавали горечь, хмурые брови обличали злость. Понурый вид не подходил по параметрам манкой блондинки.

Трудно объяснить, что такое радость, но непреодолимое желание вернуть её, побудило к общению с позитивными людьми. Пора выбираться из чертова круга адских семейных распрей.

Устрою релаксацию, пройду по парку, полюбуюсь прудом, сделаю подарок детям, – покурлесим на аттракционах, объединимся мороженым, глядишь жизнь и наладится. Думаю, что еще способна испытывать радость, ведь её испытывают только живые. Значит, я жива!

Много ль для радости надо?

Однажды осенью гуляя по лесу невдалеке от маминой дачи, я наслаждалась природой. Ее многообразие и уникальность насыщали радостью, словно ключевой водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.